

Идрисов А.Ж.

*Независимый исследователь
г. Нур-Султан, Республика Казахстан
azamatidris@mail.ru*

Религия и проблема новых идентичностей в современном мире

Аннотация. Данная статья посвящена изучению роли религии в процессах формирования новых идентичностей. Религия представляется альтернативой светскому национализму, а возрождение новых религиозных идентичностей – реакцией на кризис светского типа нацистроительства. В первой части статьи приводятся исторические предпосылки кризиса теории секуляризации и «религиозного ренессанса», который представлял собой попытку вернуть религию в общественный дискурс. Религиозная идентичность рассматривается как строгий конструкт, который формируется определёнными акторами с использованием различных механизмов. Используя такие термины М. Кастельса (M. Castells), как «легитимизирующая идентичность» (legitimizing identity), «идентичность сопротивления» (resistance identity) и идентичность как «проект» (project identity), автор рассматривает типы конструирования религиозной идентичности с трёх сторон. Анализируя роль религии в процессах формирования новых идентичностей, автор приходит к следующим выводам: 1) религия выступает как фактор легитимности в новых религиозных сообществах, где религия предлагает сакральное обоснование власти; 2) религия выступает как фактор защиты собственной идентичности перед глобализацией, которая выступает в роли враждебной доминантной идентичности; 3) религиозное сообщество выступает как отдельный «воображаемый» конструкт, который в глобальном измерении стирает языковые и этнические границы, но выступает разделяющим фактором в локальных конфликтах. В заключение предлагается дискуссия о будущем новых религиозных идентичностей, которые из-за ослабления государственных институтов могут усилить свои позиции.

Ключевые слова: религиозная идентичность, религиозный фундаментализм, НРД, воображаемые сообщества, секуляризм, национализм

Azamat Zh. Idrissov

*Independent researcher
Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan
azamatidris@mail.ru*

Religion and the Problem of New Identities in the Contemporary World

Abstract. This article studies the role of religion in the formation of new identities. Religion is presented as an alternative to secular nationalism and the revival of new religious identities as a reaction to the crisis of the secular type of nation-building. The first part of the article shows the historical background of the crisis of the theory of secularization and the “religious renaissance”, which was an attempt to return religion to public discourse. Religious identity is considered as a strict construct that is formed by certain actors using various mechanisms. The types of construction of religious identity are considered from three sides using the terms of M. Castells as the problem of “legitimizing identity”, “resistance identity” and identity as a “project”. Analyzing the role of religion in the formation of new identities the author comes to the following conclusions: 1) religion acts as a factor of legitimacy in new religious communities, where religion offers a sacred justification for power; 2) religion acts as a factor of protection of one's own identity under the wave of globalization, which acts as a hostile dominant identity; 3) the religious community acts as a separate “imagined” construct, which in the global dimension erases linguistic and ethnic boundaries, but acts as a dividing factor in local conflicts. In conclusion, proposed a discussion about the future of new religious identities, which due to the weakening of state institutions may strengthen their positions.

Key words: religious identity, religious fundamentalism, NRM, Imagined Communities, secularism, nationalism

Введение

Религиозная идентичность является одной из самых противоречивых категорий человеческой идентификации. Религия на протяжении столетий служила человеку маркером его идентичности. Множество религиозных сообществ, которые стремятся сохранить собственную идентичность, существовали в более ранние периоды и продолжают существовать в эпоху модерна. Эти сообщества разделяются на традиционные (или же мейнстримные) и на новые, которые очень разнородны по своей сути. С одной стороны, существует классическая проблема НРД или новых религиозных движений, которую исследовала в своих работах А. Баркер [Баркер, 1997]. С другой, существует масса традиционных религиозных движений, переживающих этап обновления, который представляет собой в одних случаях «либеральное обновление» [Кимлика, 2010], в других – религиозный фундаментализм или же «откат к истокам» [Армстронг, 2013]. Ещё одним феноменом возвращения религии является отход от принципов светскости и расширение сферы религии на уровень государственных институтов. Такие процессы мы можем видеть в постколониальных странах, где были установлены светские режимы. Возвращение религии в общественное поле показывает определённый упадок секуляризации, что подтверждает поиск новых теорий современными классиками изучения секуляризма П. Бергером, Х. Казановой, Д. Мартином [Узланер, 2019, 146–187]. На сегодняшний день религиозная идентичность играет важную роль и в формировании национальной политики – там, где религия в руках политиков-популистов выступает как серьёзный аргумент против светскости [Кимлика, 2010]. В такой ситуации возникновение новых идентичностей выходит на новый уровень в результате возрастающей глобализации [Бек, 2001]. Количество соприкосновений различных идентичностей увеличивается, что даёт почву для возникновения новых типов религиозных движений [Бенхабиб, 2003].

В результате увеличения количества новых идентичностей возникает необходимость исследования различных сторон данного феномена, что и обосновывает актуальность данной темы для изучения в рамках различных областей гуманитарного знания. Прежде всего, нужно ответить на вопрос, по какой причине происходит их рост в данный исторический период. Другой вопрос касается механизмов, которые создают данные новые религиозные идентичности и создаются ли они вообще. Третий заключается в определении роли религии в данных религиозных сообществах.

Теоретическая основа

В современном мире существует большое количество различных идентичностей. Идентичность человека множественна; в это понятие входят этническая, религиозная, возрастная, гендерная и т.д. В современном мире приобретает особую значимость религиозная идентичность, которая концептуально отличается несколькими свойствами. Она находится в зависимости от «Другого», она изменчива, текуча, а также множественна [Dunn, 2004, 1–9]. Эти свойства взаимосвязаны друг с другом и образуют общий концепт религиозной идентичности. Религиозная идентичность воспринимается как «воображаемый конструкт», который находит своё теоретическое обоснование в работах Б. Андерсона. Кроме того, идентичность рассматривается как конструкт, который в свою очередь создаётся заинтересованными группами или лицами посредством истории, коллективной памяти, религии, биологических характеристик и географии [Castells, 2004, 53–59]. К. Армстронг предлагает рассматривать формирование религиозной идентичности в контексте истории и современного состояния религиозного фундаментализма через призму «мифа и логоса» [Армстронг, 2013].

Исследованиями каждого свойства религиозной идентичности посвятили свои работы многие отечественные и зарубежные исследователи. Принимая во внимание существующее в современной науке мнение, что феноменологические изыскания в области религии носят личностный характер, и поэтому существует столько феноменологий религии, сколько феноменологов, можно сказать, что известно столько теорий религиозной идентичности, сколько существует её теоретиков [Шахнович, 2001, 307]. Все исследования в области религиозной идентичности можно разделить на два крупных направления: изучение концепции «Я и Другой» и исследование из-

менчивости и множественности религиозной идентичности. Отношение с «Другим» в формировании религиозной идентичности рассматривалось в работах И. Нойманна [Нойманн, 2004], П. Рикёра [Рикёр, 2008], М. Кастельса [Castells, 2004]. Изменчивости и множественности религиозной идентичности посвящены труды таких зарубежных исследователей, как Э. Эрикссон [Эрикссон, 1996], Ф. Барт [Этнические группы, 2006], З. Бауман [Бауман, 2008], У. Бек [Бек, 2001], а также работы отечественных исследователей С.В. Акопова [Акопов, 2015] и А.Н. Крылова [Крылов, 2012].

**Кризис политики национализма
и новые религиозные идентичности**

Чтобы понять, откуда идут корни современного кризиса новых идентичностей, нужно рассмотреть происхождение современного значения идеи нации. Возникновение этой идеи происходит в XVI веке в Англии, когда слово «нация» стало применяться не только к английской элите, но и ко всем жителям, став синонимом к слову народ [Гринфельд, 2008, 11]. В более современном понимании идея нации получила своё теоретическое обоснование в начале XIX века, когда появилось предложение создать государство на принципах единства населения, в некоторых аспектах схожих с принципами национального самоуправления [Кедури, 2010, 21]. Под различными характеристиками подразумеваются территории, этносы, религии, языки и даже расы, которые объединяются в одну политическую общность. Но исторически одним из основных инструментов строительства национального государства до указанного периода является религия и религиозная идентичность [Кедури, 2010; Castells, 2004]. Такие известные персоналии, как Авраам, Моисей и Мухаммед были не только религиозными деятелями, но и национальными лидерами, которые в трудные моменты объединили разрозненные племена посредством религии [Кедури, 2010, 75–76]. Таким образом, религиозный национализм предшествует европейскому территориальному пониманию нации, которое зародилось в XVI–XIX веках. Только на современном этапе понятие «нация» стало определяться как совокупность жителей определённого государства на определённой территории вне зависимости от языковых, религиозных или этнических компонентов.

В XVI–XX веках парадигма нацистроительства отошла от идеи религиозного национализма и оказалась под влиянием нарастающей секуляризации, что позволило создать условия для формирования наций без религии, но использовать её инструментарий. Такого мнения придерживался У. Альтерматт, который рассматривал возрождение светского национализма как замену религии. Он считал, что национализм по своей сути – это псевдорелигиозная идеология, которая использует все инструменты религии для поддержания общности людей. У. Альтерматт выдвинул тезис о том, что национализм, используя интегративную функцию религии, взял на себя функцию нацистроительства. Доказательством этому швейцарский историк полагал использование государством тех же средств, что и церковь. Святость перешла на такие светские элементы государственной символики, как национальный флаг, гимн, а также на национальные святыни, что подтверждает идею о сакрализации государственных символов [Альтерматт, 2000, 140–141]. Б. Андерсон приводил похожий пример сакрализации национальных символов, которые создают «воображаемую нацию». Памятник неизвестному солдату, по его мнению, как нельзя лучше исполняет роль сакрального символа и демонстрирует связь религии и национализма [Андерсон, 2016, 51–52].

В период XIX–XX веков светский национализм переживал период расцвета, но на современном этапе политика светского национализма находится в кризисе, что видится причиной возврата к религиозному национализму посредством религиозного фундаментализма. Причиной этому У. Альтерматт видит в глобальной стандартизации мировой цивилизации и сопротивление этой «западной идее» со стороны не западных культур [Альтерматт, 2000, 214–115]. Глобализация встретила сопротивление, которое выразилось, с одной стороны, в пробуждении, а с другой – в закрытости и отчуждении локальных культур. Такое называемое «регрессивное» движение общественно-политической мысли обнажило неспособность светского национализма связать воедино понятия этничности, религии и гражданства, что в итоге вылилось в кризис взаимоотношений между группами с различными рели-

гиозными и этническими корнями. Такого же мнения придерживался французский философ Ж. Корм, который видел в светском национализме попытку сделать из человека «животное политическое», полностью исключив его характеристики как «животного религиозного» [Корм, 2012, 24–25]. Таким образом, религиозный национализм в современном мире представляет собой реакцию на кризис политики светского национализма. В результате на обломках старых светских социальных и политических конструктов возникают новые идентичности. Данный феномен исторически представляет собой повторяющийся процесс. Согласно К. Армстронг, мы не можем сказать, что появление новых идентичностей – проблема исключительно нашего времени. В своей работе по истории религиозного фундаментализма учёная доказывает, что в каждую эпоху истории человечества случались кризисы – и ответы на них искали, в том числе, и в религии [Армстронг, 2013].

В современный период история религиозного ренессанса берёт своё начало с нескольких исторических событий, развернувшихся в разных уголках мира в середине XX века. Одним из самых трагических событий была попытка синкретизировать светский национализм и исламское вероучение в Индонезии, что привело к катастрофическим последствиям во время свержения правительств Сукарно. В результате беспорядков пострадали более миллиона человек, и результатом стало появление новых религиозных идентичностей на основе ислама. Это привело к тому, что на современном этапе в Индонезии существуют исламские политические течения, отрицающие возможность установления в стране западной формы демократии [Ефимова, 2007; Кепель, 2004, 60–61]. Постколониальный период в арабских странах характеризуется борьбой за религиозную идентичность. Светский национализм, который был установлен в бывших арабских колониях на Ближнем Востоке, со временем перестал отвечать социально-политическим запросам общества. Это дало толчок к возникновению особого типа исламского религиозного фундаментализма, который стал основой для идеологии религиозного национализма. Это было ярко выражено в формировании таких использующих религиозную риторику партий, как «Братья Мусульмане», «Аль-Каида» и тд. [Кепель, 2004, 65–72].

Политический режим в Иране, который был свергнут в 1978 году, представлял собой попытку создать государство, построенное на принципах светскости. После революции в стране снова установился режим, основанный на религиозных принципах ислама [Агаев, 1981, 190–248]. Такую же тенденцию мы можем наблюдать с 2011 года на Ближнем Востоке и в Северной Африке, где произошли события, именуемые «Арабской весной». В результате революций к власти в таких странах, как Тунис, Египет и Ливия, пришли партии, использующие политическую идеологию на основе ислама [Фитуни, 2012].

Реформированию подвергались не только социально-политические системы различных государств, но и традиционные религиозные конфессии. Так, например, реакцией на светский национализм стало движение в Римско-католической церкви во время II Ватиканского Собора, где главным был вопрос о месте церкви в современном секуляризованном и светском мире. Одним из ключевых направлений дискуссии в ходе Собора была идентичность католиков в современном мире. Это позволило добиться принятия решений об универсализации церкви, а именно становление её как надгосударственным и наднациональным субъектом распространения христианских ценностей [Сардарян, 2019].

После развала социалистического блока и СССР бывшие социалистические республики ступили на путь независимого национального самоопределения, где немаловажную роль в определении новых идентичностей играла религия. В частности, это ярко выражено в таких странах, как Польша [Вержицки, 2014], Венгрия [Филиппов, 2015], Румыния и Сербия [Бухенау, 2014] и в бывшей Югославии [Белякова, 2017]. В России начал делаться упор на традиционные ценности и объединяющий фактор религии [Ачкасов, 2016; Путин, 2012].

В целом кризис политики светского национализма коснулся в разной степени каждой страны, которая выбрала европейский тип нациестроительства. Нерешённым остался вопрос этничности и религиозности, который ставил перед нациестроительством ограничительный барьер. Это было вызвано волной глобализации,

наносившей удар по самой идее нации, которая должна была стать объединяющим фактором для различных идентичностей внутри государства. Это привело к реакции со стороны масс [Канетти, 2015] и появлению целого ряда новых идентичностей, которые должны были сохранить самость перед волной глобализации.

Религия и новые идентичности

Если новые идентичности создаются в ответ на процессы глобализации, то они должны кем-то конструироваться. Определение этих процессов представляется сложной задачей, которая исследовалась в работах различных учёных-гуманитариев. Релятивизм в отношении категорий идентичности оказывался в фокусе внимания американского социолога Р. Брубейкера. Идентичность в его интерпретации слишком размытое понятие, которое сложно подогнать под какие-либо аналитические рамки. Это связано, прежде всего, с высоким уровнем изменчивости и множественностью, что создаёт проблемы в изучении идентичности [Брубейкер, 2002]. На сегодняшний день идентичность понимается как социальный конструкт – следовательно, существует и те, кто этот конструкт создаёт, и «составляющие материалы», из которых этот конструкт собирается.

М. Кастельс выделяет три вида происхождения идентичности: легитимирующая идентичность, идентичность сопротивления и идентичность как проект. В первом случае идентичность конструируется государственными институтами и служит для установления легитимности какой-либо формы власти. Во втором случае идентичность конструируется различными акторами, которые стремятся сохранить некую групповую общность, размывающуюся доминантной идентичностью. В третьем случае идентичность выступает как новый проект, который является реакцией на изменение в экономической и социально-политической действительности. Религия может выступать в каждом из трёх видов конструирования как материал или фундамент для строительства религиозной идентичности. Религия становится фактором легитимности в странах с ярко выраженной теократической формой правления или же с высоким влиянием религии на государственное устройство. К таким странам можно отнести Иран, Саудовскую Аравию, Великобританию, Испанию, США, Пакистан, Грецию. Использование религии для поддержания и защиты групповой идентичности наблюдается более часто. Это проявляется не только в религиозных меньшинствах в различных странах, но и в группах, которые являются религиозным большинством. Особую роль религии как основы групповой идентичности мы можем наблюдать у таких религиозных меньшинств, как марониты и друзы в Ливане и Сирии, православные старообрядцы в России. Существуют религиозные меньшинства, которые больше распространены по всему миру, это – исмаилиты, бухарские евреи, сикхи, парсы и др. Религия как важнейшее основание для самоидентификации наблюдается как в среде религиозных меньшинств, так и в различных группах внутри крупных религиозных объединений, которые предпочитают обновленческий курс. Это направление обычно ассоциируется с «откатом к истокам», который представляет собой религиозный фундаментализм. Примером тому могут служить различные фундаменталистские общины как внутри определённых конфессий, так и группы, основанные на принципах синкретизма [Балагушкин, 1999]. К подобным религиозным сообществам относятся «новые религиозные движения» в понимании Э. Баркер [Баркер, 1997]. В целом классификация НРД на сегодняшний день остаётся предметом научных дискуссий, но следует подчеркнуть, что эти религиозные движения представляют собой организации, которые появились сравнительно недавно. К ним можно отнести неохристианские, неоиндуистские, неоязыческие объединения и т.д.

Религия, как уже говорилось, может быть одним из основных инструментов строительства национальной идентичности. В условиях кризиса светскости религия представляет собой достаточную силу. Религиозный национализм может выступать как средство устранения проблем, которые в данный момент не смог решить светский национализм.

Первая проблема – это легитимность власти. Религия в разной степени имеет отношение к государству. Православная церковь выступает за симфонию власти, которая существует со времён императора Константина I. В католицизме главен-

ствующее положение папы римского долгое время не оспаривалось и считалось проявлением законной воли бога и церкви на земле. В период реформации легитимность папы римского и его верховная власть были подставлены под сомнение, а с появлением протестантизма началось развитие европейской модели светскости. В исламе существует множество различных мнений о природе государства. От полной теократии (как было во времена пророка Мухаммеда и праведных халифов) до либерального ислама с властью, основанной на принципах светскости. Светская же власть религиозными фундаменталистами ставится под сомнение как изобретение человеческое. Светские институты считаются проявлением неповиновения божественным законам, и поэтому этим институтам, по мнению некоторых религиозных фундаменталистов, не следует повиноваться. С этим связано создание организаций, которые были под влиянием идеологии, созданной египетским проповедником Саидом Кутбом [Кепель, 2004, 31–32]: «Братья Мусульмане», «Аль-Каида», и организация «Исламское государство» в Сирии и Ираке в 2013 году.

Вторая проблема – это использование религии для искусственного конструирования закрытых от общества групп. Религиозные проповедники играют важную роль в конструировании групповой идентичности. По М. Кастельсу, это – второй вид идентичности, задача которой – обеспечить сохранность группы от давления доминирующих идентичностей посредством создания религиозного конструкта. Данный конструкт образуется путём формирования групп или сообществ, которые находятся под руководством тех, кто этот конструкт формирует. Это могут быть как сами религиозные лидеры, так и другие акторы, заинтересованные в формировании группы на основе определённой религиозной идентичности. На сегодняшний день новые конструкты, основой которых выступает религия, занимают важное место среди остальных идентичностей. По мнению немецкого политического философа У. Бека, современная тенденция появления новых идентичностей является ответом на процессы глобализации и космополитизма, которые направлены на агрессивное размытие границ сообществ. Различного рода виды национализма – этнические, религиозные и др. – направлены на интровертное замыкание внутри себя, чтобы не допустить потерю собственной идентичности [Бек, 2001, 21–22]. В современном мире таким рычагом давления оказывается мировая глобализация. В понимании К. Армстронг, это можно представить как противостояние мифа и логоса, где сталкивается мистика и рациональность. Новые религиозные идентичности в данном случае – не просто группы, созданные с целью борьбы с какими-то вызовами современности, но и способ приспособиться к ним и попытаться прожить их наиболее безболезненно [Армстронг, 2013]. В этом помогает использование обширных функций религии в общественной жизни и во внутренней духовной сфере человека. Одной из основных функций религия является «идентификационная», которая даёт возможность индивиду чувствовать свою принадлежность к какому-либо религиозному сообществу [Вебер, 2006].

Религия на сегодняшний день существует, в полной мере согласуясь с классической теорией «воображаемых сообществ» Б. Андерсона [Андерсон, 2016, 47]. Религиозная идентичность выступает объединяющим фактором для сотен различных этносов, важным фактором для поддержания единого сообщества. Так было с реакцией мусульман по всему миру на публикации карикатур на пророка Мухаммеда: этничность или гражданство мусульман абсолютно не имели значение, они все выступили как единое сообщество. Такой феномен можно объяснить, ссылаясь на теорию Б. Андерсона, который считал, что определённое сообщество является воображаемым, поскольку многие его члены никогда не были друг с другом знакомы, но воображают друг друга как одну целостную группу. В подобной ситуации привлекает внимание идентичность как проект, где появляется новый групповой конструкт, который будет являться дополнением к уже существующим групповым идентичностям. Воображаемые сообщества в таких случаях перестают быть только частью одной организации или же сообщества, но представляют себя как глобальные объединения, рассматривающие как «своих» даже тех, с кем традиционно имеют религиозные и этнические противоречия. Подтверждение высказанным тезисам мы можем видеть на примере реакций различных религиозных общин на события,

которые касались их общих идентичностей. Религиозные группы, которые заявляют о своей христианской идентичности, вовлечены в дискуссию о биоэтических проблемах, таких как аборт и эвтаназия. Также в фокусе их внимания могут находиться проблемы гендерного равенства среди священнослужителей, отношение церкви к сексуальным меньшинствам и проблемы притеснения христианских меньшинств в мире. В религиозных сообществах с исламской идентичностью самые обсуждаемые проблемы касаются экуменизма, сдерживания международного терроризма, борьбы с радикальным исламом и др.

Заключение

На сегодняшний день тенденция к появлению новых идентичностей представляет собой комплексную проблему, которая влияет не только на международную политику, но и на межличностную коммуникацию в обществе. Появление новых идентичностей, в частности, религиозных, представляет собой реакцию на общественные потрясения, где религия, с одной стороны, помогает легче справиться с новыми жизненными условиями благодаря своей компенсаторной функции, а с другой стороны – может служить основанием для радикализации как искусственный конструкт. Новые религиозные идентичности на современном этапе приобретают всё большую значимость по сравнению с прежними социальными маркерами. Немалой проблемой новые религиозные идентичности становятся для светской государственности. Ф. Фукуяма считает, что в последние 30 лет наблюдается тенденция к ослаблению института государства как такового [Фукуяма, 2006, 197]. На современном этапе, по его мнению, всё большую значимость приобретают не государственные структуры, а различные негосударственные и межнациональные силы [Фукуяма, 2007, 23]. Они, в свою очередь, между собой имеют противоречия, но выступают как единое воображаемое сообщество, когда возникают проблемы, связанные с их общей идентичностью. В таком случае целесообразно говорить о возможности появления новой формы межрелигиозного диалога, связанного с вызовами для общей глобальной религиозной идентичности.

Библиографический список

1. Агаев, С.Л. Иран в прошлом и настоящем. Пути и формы революционного процесса / С.Л. Агаев. – М.: Изд-во «Наука», 1981. – 271 с.
2. Акопов, С.В. Человек многомерный: транснациональная модель идентификации с макрополитическими сообществами (метатеоретический анализ) / С.В. Акопов. – СПб.: Изд-во «Алетейя», 2015. – 296 с.
3. Альтерматт, У. Этнонационализм в Европе / У. Альтерматт. – М.: Изд-во «Российск. Гос. гуманит. Ун-т», 2000. – 367 с.
4. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. П. Баньковской. – М.: Изд-во «Кучково поле», 2016. – 416 с.
5. Армстронг, К. Битва за Бога: История фундаментализма / К. Армстронг; Пер. с англ. – М.: Изд-во «Альпина нон-фикшн», 2013. – 502 с.
6. Ачкасов, В.А. «Новая Новороссия» и проблемы с российской идентичностью / В.А. Ачкасов // Консервативные традиции и либеральные ценности в постсоциалистической России. – 2016. – С. 16–19.
7. Балагушкин, Е.Г. Нетрадиционные религии в современной России: морфологический анализ / Е.Г. Балагушкин. – М., 1999. – Ч. 1. – 244 с.
8. Баркер, А. Новые религиозные движения. Практическое введение / А. Баркер. – СПб.: Изд-во «Русского христианского гуманитарного института», 1997. – 282 с.
9. Бауман, З. Текучая современность / З. Бауман; пер. с англ.; под ред. Ю.В. Асочакова. – СПб.: Изд-во «Питер», 2008. – 240 с.
10. Бек, У. Что такое глобализация? / У. Бек; пер. с нем. А. Григорьева и В. Седелника; общая редакция и послесл. А. Филиппова. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.
11. Белякова, Т. Конструирование национальной идентичности в социалистической Югославии и македонский церковный вопрос / Т. Белякова // В России и за рубежом. – 2017. – С. 62–85.
12. Бенхабиб, С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / С. Бенхабиб. – М.: Изд-во «Логос», 2003. – 350 с.

13. Брубейкер, Р. За пределами «идентичности» / Р. Брубейкер // *Ab imperio*. – 2002. – Т. 2002. – № 3. – С. 61–115.
14. Бухенау, К. Религия и нация в Сербии, Болгарии и Румынии: три православные модели / К. Бухенау // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. – 2014. – № 4 (32). – С. 28–61.
15. Вебер, М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. – 2-е изд., доп. и испр / М. Вебер. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – 656 с.
16. Вержбицки, А. Католицизм и польское нацистроительство // *Вопросы национализма / А. Вержбицки*. – 2014. – № 17. – С. 69–80.
17. Гринфельд, Л. Национализм. Пять путей к современности / Л. Гринфельд; Пер. с англ. Т.И. Грингольц, М.Р. Вирозуб. – М.: Изд-во «ПЕР СЭ», 2008. – 527 с.
18. Ефимова, Л.М. Демократия и ислам в общественной мысли современной Индонезии / Л.М. Ефимова // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. – 2007. – № 10. – С. 213–230.
19. Женецьев, З. *Polonia semper fidelis?* Национальная мифология, религия и политика в Польше / З. Женецьев // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. – 2016. – № 3 (34). – С. 44–78.
20. Канетти, И. Масса и власть / И. Канетти. – Изд-во.: «АСТ», 2015. – 576 с.
21. Кедури, Э. Национализм / Э. Кедури; Пер. с англ. А.А. Новоухатко. – 4-е изд. расш. – СПб.: Изд-во «Алетейя», 2010. – 136 с.
22. Кепель, Ж. Джихад: Экспансия и закат исламизма / Ж. Кепель; Пер. с фр. В.Ф. Денисова. М.: Изд-во «Ладомир», 2004. – 468 с.
23. Кимлика, У. Современная политическая философия: введение. М.: Изд-во «Высшая школа экономики», 2010 / У. Кимлика. – 592 с.
24. Корм, Ж. Религиозный вопрос в XXI веке. Геополитика и кризис постмодерна / Ж. Корм. – М.: Изд-во «Институт Общегуманитарных Исследований», 2012. – 288 с.
25. Крылов, А.Н. Религиозная идентичность. Индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве / А.Н. Крылов. – М.: Изд-во «Икар», 2012. – 306 с.
26. Нойманн, И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей / И. Нойманн. – М.: Изд-во «Новое изд-во», 2004. – 336 с.
27. Путин, В. Россия: национальный вопрос / В. Путин // *Этнодиалоги*. – 2012. – № 1 (38). – С. 8–26.
28. Рикёр, П. Я – сам как другой / П. Рикёр; Пер. с франц. – М.: Изд-во «Издательство гуманитарной литературы», 2008. – 416 с.
29. Сардарян, Г.Т. Значение Второго Ватиканского собора в контексте эволюции католической политической доктрины / Г.Т. Сардарян // *Ценности и смыслы*. – 2019. – № 3. – С. 23–33.
30. Узланер, Д. Конец религии? История теории секуляризацию / Д. Узланер. – М.: Изд-во «Высшая школа экономики», 2019. – 240 с.
31. Филиппов, Б.А. Церкви и государство после падения советской системы: проблемы и решения (на примере Венгрии, Польши и Чехии) / Б.А. Филиппов // Ежегодная богословская конференция православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. – Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2015. – № 25. – С. 65–70.
32. Фитуни, Л.Л. «Арабская весна»: трансформация политических парадигм в контексте международных отношений / Л.Л. Фитуни // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2012. – № 1. – С. 3–14.
33. Фукуяма, Ф. Америка на распутье: Демократия, власть и неоконсервативное наследие / Ф. Фукуяма; Пер. с англ. А. Георгиева. – М.: Изд-во «Акт Москва: Хранитель», 2007. – 282 с.
34. Фукуяма, Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке: Пер. с англ. / Ф. Фукуяма. – М.: Изд-во «Акт Москва: Хранитель», 2006. – 220 с.
35. Шахнович, М.М. Феноменологическое религиозное введение: история и метод / М.М. Шахнович // *Miscellanea humanitaria philosophiae: Очерки по философии и культуре*. К 60-летию профессора Юрия Никифоровича Солонина. – СПб: СПбФО, 2001. – С. 301–308.
36. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис: Пер. с англ. / Э. Эриксон; Общ. ред. и предисл. Толстых А.В. – М.: Изд-во «Прогресс», 1996. – 344 с.
37. Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий / Пер. с англ. И. Пильщикова. – М.: Изд-во «Новое изд-во», 2006. – 200 с.
38. Castells, M. *The Power of Identity, The Information Age: Economy, Society and Culture*, vol. II / M. Castells. – Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell (1997) (second edition, 2004). – 538 p.
39. Dunn, K. *Identity and Global Politics: Empirical and Theoretical Elaborations* / K. Dunn. – New York: Palgrave Macmillan, 2004. – 268 p.

Текст поступил в редакцию 27.05.2021.

Принят к публикации 14.09.2021.

Опубликован 23.12.2021.

References

1. Agaev S.J. *Iran v proshlom i nastoyashchem. Puti i formy revolyucionnogo processa* [Iran in the past and present. Ways and forms of the revolutionary process]. Moscow: "Nauka" Publ., 1981, 271 p. (in Russian).
2. Akopov S.V. *Chelovek mnogomernyj: transnacional'naya model' identifikacii s makropoliticheskimi soobshchestvami (metateoreticheskij analiz)* [Multidimensional man: a transnational model of identification with macropolitical communities (metatheoretic analysis)]. St. Petersburg: "Aletejya" Publ., 2015, 296 p. (in Russian).
3. Al'termatt U. *Etnonacionalizm v Evrope* [Ethnonationalism in Europe]. Moscow: "Rossijsk. Gos. gumanit. Un-t" Publ., 2000, 367 p. (in Russian).
4. Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokah i rasprostraneni nacionalizma* [Imagined communities. Reflections on the origins and spread of nationalism]. Moscow: "Kuchkovo pole" Publ., 2016, 416 p. (in Russian).
5. Armstrong K. *Bitva za Boga: Istoriya fundamentalizma* [The Battle for God: A History of Fundamentalism]. Moscow: Izd-vo "Al'pina non-fikshn" Publ., 2013, 502 p. (in Russian).
6. Achkasov V.A. *Konservativnye tradicii i liberal'nye cennosti v postsocialisticheskoy Rossii* [Conservative traditions and liberal values in postsocialistic Russia]. 2016, pp. 16–19 (in Russian).
7. Balagushkin E.G. *Netradicionnye religii v sovremennoj Rossii: morfologicheskij analiz* [Non-traditional religions in Modern Russia: morphological analysis]. Part 1. Moscow, 1999, 244 p. (in Russian).
8. Barker A. *Novye religioznye dvizheniya. Prakticheskoe vvedenie*. [New religious movements. Practical introduction.]. St. Petersburg: Izd-vo "Russkogo hristianskogo gumanitarnogo instituta", 1997, 282 p. (in Russian).
9. Bauman Z. *Tekuchaya sovremennost'* [Fluid modernity]. St. Petersburg: "Piter" Publ., 2008, 240 p. (in Russian).
10. Bek U. *Chto takoe globalizaciya?* [What is globalization?]. Moscow: Progress-Tradiciya, 2001, 304 p. (in Russian).
11. Belyakova T. *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad]. 2017, pp. 62–85 (in Russian).
12. Benhabib S. *Priyazaniya kul'tury. Ravenstvo i raznoobrazie v global'nyu eru* [Cultural claims. Equality and diversity in the global era]. Moscow: "Logos" Publ., 2003, 350 p. (in Russian).
13. Brubeiker R. *Ab imperio*. 2002, no. 3, pp. 61–115 (in Russian).
14. Buhenau K. *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad]. 2014, no. 4 (32), pp. 28–61 (in Russian).
15. Weber M. *Izbrannoe: Protestantская этика и дух капитализма* [Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism]. Moscow: "Rossijskaya politicheskaya enciklopediy" (ROSSPEN), 2006, 656 p. (in Russian).
16. Verzhbicki A. *Voprosy nacionalizma* [Issues of nationalism]. 2014, no. 17, pp. 69–80 (in Russian).
17. Grinfeld L. *Nacionalizm. Pyat' putej k sovremennosti* [Nationalism. Five Ways to Modernity]. Moscow: "PER SE" Publ., 2008, 527 p. (in Russian).
18. Efimova L.M. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya* [South-Eastern Asia: Relevant problems of development]. 2007, no. 10, pp. 213–230 (in Russian).
19. Zhenev'ev Z. *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad]. 2016, no. 3 (34), pp. 44–78 (in Russian).
20. Kanetti I. *Massa i vlast'* [Mass and power]. Moscow: AST Publ., 2015, 576 p. (in Russian).
21. Keduri E. *Nacionalizm* [Nationalism]. St. Petersburg: Aletejya Publ., 2010, 136 p. (in Russian).
22. Kepel' Zh. *Dzhihad: Ekspansiya i zakat islamizma* [Jihad: The Expansion and Decline of Islamism]. Moscow: Ladomir Publ., 2004, 468 p. (in Russian).
23. Kimlika, U. *Sovremennaya politicheskaya filosofiya: vvedenie* [Modern Political Philosophy: An Introduction]. Moscow: Vysshaya shkola ekonomiki Publ., 2010, 592 p. (in Russian).
24. Korm Zh. *Religioznyj vopros v XXI veke. Geopolitika i krizis postmoderna*. [The religious issue in the 21st century. Geopolitics and the postmodern crisis]. Moscow: "Institut Obshchegumanitarnyh Issledovanij" Publ., 2012, 288 p. (in Russian).
25. Krylov A.N. *Religioznaya identichnost'. Individual'noe i kollektivnoe samosoznanie v postindustrial'nom prostranstve* [Religious identity. Individual and collective self-awareness in the post-industrial space]. Moscow: Ikar Publ., 2012, 306 p. (in Russian).
26. Neumann I. *Ispol'zovanie "Drugogo". Obrazy Vostoka v formirovanii evropejskikh identichnostej* [Using "Other". Images of the East in the formation of European identities]. Moscow: Novoe izd-vo Publ., 2004, 336 p. (in Russian).
27. Putin V. *Etnodialogi* [Ethnodialogues]. 2012, no. 1 (38), pp. 8–26 (in Russian).
28. Ricoeur P. *Ya. – sam kak drugoj* [I am myself as another]. Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoj literatury, 2008, 416 p. (in Russian).
29. Sardaryan G.T. *Cennosti i smysly* [Values and meanings]. 2019, no. 3, pp. 23–33 (in Russian).
30. Uzlaner D. *Konec religii? Istoriya teorii sekulyarizacii* [The end of religion? History of secularization theory]. Moscow: Vysshaya shkola ekonomiki Publ., 2019, 240 p. (in Russian).
31. Filippov B.A. *Ezhegodnaya bogoslovskaya konferenciya pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta* [Annual theological conference of St. Tikhon's Orthodox University]. Pravoslavnyj Svyato-Tihonovskij gumanitarnyj universitet, 2015, no. 25, pp. 65–70 (in Russian).
32. Fituni L.L. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World economics and international relations]. 2012, no. 1, pp. 3–14 (in Russian).

33. Fukuyama F. *Amerika na rasput'e: Demokratiya, vlast' i neokonservativnoe nasledie* [America at a crossroads: Democracy, power, and the Neoconservative legacy]. Moscow: Act Moskva: Hranitel' Publ., 2007, 282 p. (in Russian).
34. Fukuyama F. *Sil'noe gosudarstvo: Upravlenie i mirovoj poryadok v XXI veke*. [Strong State: Governance and world order in the 21st century]. Moscow: Act Moskva: Hranitel' Publ., 2006, 220 p. (in Russian).
35. Shakhnovich M.M. *Miscellanea humanitaria philosophiae: Ocherki po filosofii i kul'ture. K 60-letiyu professora Yuriya Nikiforovicha Solonina* [Miscellanea humanitaria philosophiae: Essays on Philosophy and Culture. To the 60th anniversary of Prof. Yu.N. Solonin]. St. Petersburg: SPbFO, 2001, pp. 301–308 (in Russian).
36. Erikson E. *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: youth and crisis]. Moscow: "Progress" Publ., 1996, 344 p. (in Russian).
37. *Etnicheskie gruppy i social'nye granicy. Social'naya organizaciya kul'turnyh razlichij* [Ethnic groups and social boundaries. Social organization of cultural differences]. Moscow: "Novoe izd-vo", 2006, 200 p. (in Russian).
38. Castells M. *The Power of Identity, The Information Age: Economy, Society and Culture*. Vol. II. Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell (1997) (second edition, 2004), 538 p.
39. Dunn K. *Identity and Global Politics: Empirical and Theoretical Elaborations*. New York: Palgrave Macmillan, 2004, 268 p. (in Russian).

*Submitted for publication: May 27, 2021.
Accepted for publication: September 14, 2021.
Published: December 23, 2021.*